

Калининград

Эксперт – социолог Алексей Фирсов.

Проект Незыгаря и [ЦСП «Платформа»](#): Социологические портреты городов.

Ни один город страны не страдает такой мучительной ментальной раздвоенностью, как бывшая столица Восточной Пруссии. Местный культуролог в нашей беседе прямо назвал это состояние шизофренией. Парадокс в том, что русское население пытается найти свою идентичность в совершенно другой культуре, от которой остались лишь здания и руины. Немецкое наследие стремятся не отторгнуть, а присвоить. Но как? Оснований для этого нет, возникает настоящая культурная биполярность.

Мода на немецкую архитектуру, стремление воспроизводить ее даже в перелицованных хрущевках, превращение в музейные комплексы немецких военных сооружений, ностальгия по утраченным кварталам Кенигсберга, будто в них жили предки нынешних жителей – всё это проявления одного симптома. А впереди еще сложная адаптация к новой геополитической реальности.

Проблемы идентичности свойственны многим российским городам. За счет исторического наследия образуется сложная и прерывистая структура. Структурные нестыковки остро дают о себе знать при разработке городских стратегий. Конфликт визуальных отражений только фиксирует в сознании горожан противоречивость исторических укладов. Выбираться из этой ловушки можно по-разному, например, жестким зонированием,

отделяя исторический центр от спальных районов. Но в Калининграде этот прием принципиально невозможен – немецкое наследие дисперсно пронизывает город.

Все попытки в ход интервью найти синтез различных начал терпят провал – такой синтез в принципе невозможен. Культ Иммануила Канта, которого здесь почитают, скорее, как местного святого, чем философа (много ли калининградцев пробовало читать Канта?) – яркое тому подтверждение. Относительно недавно был скандал: стюардесса объявила, что самолет начинает посадку в Кенигсберг. Девушку уволили; но понятно, что значительная часть проживает в «Кенинге», который маркирует город так же, как Питер – Петербург.

Выход из лабиринта – не в возвращении назад. Пространства для разбега в прошлое нет, сразу уткнешься в тевтонскую стену. Выход – в поиске перспективы, превращении проблемы в конкурентное преимущество. Регион как хаб, перекресток культур, локация для отдельных культурных групп. Однако уникальное географическое положение не нашло выражения в идее будущего. Ничего интереснее туристического кластера здесь не изобрели. Туризм – это низкие плоды, срывать их в период пандемии и политической изоляции было легко и приятно. А ведь идей могло быть гораздо больше.

Когда-то губернатор Алиханов собирался создать здесь, в районе Светлогорска, IT-кластер и заманивать сюда айтишников. Замысел красивый: дюны, маленькие городки как часть агломерации, красивые домики. Но дело завершилось банальной жилой застройкой, жадность девелоперов взяла верх. Ни одного крупного культурного события, ни одной научной школы, ни одного заметного интеллектуального центра в регионе нет, при прекрасных средовых предпосылках. Город беспомощно озирается в прошлое, словно ждет, что Кант встанет из гроба и протянет ему

руку помощи .